

Калустьянц Жанна Суменовна

ДИНАМИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ОБЩЕСТВА В СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОСТИ

В статье рассматривается максимальная рациональность всех сторон жизни как главное в содержании модерна, особенно заметно проявившееся в сфере культуры, которая приобрела светский и рационалистический характер. Реализуемый проект модерна обеспечил трансформацию многих сфер. Он способствовал дифференциации большинства ценностных сфер и обусловил автономность науки, морали, искусства.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/5-1/23.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (31): в 2-х ч. Ч. I. С. 88-91. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

SYMBOL IN TOURISM CONTEXT AND DESTINATIONS CULTURAL-HISTORICAL POSITIONING PROBLEM

Ivanova Liliya Fatykhovna, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Kazan' State Power Engineering University
ivanli7@yandex.ru

The author reveals the topicality of the problem concerning the tourist attraction increase and cultural-symbolic positioning of the Russian regions, analyzes the evaluation of symbols interpretation processes in tourist travelling, markers role and authenticity meaning in tourism, and comes to the conclusion about the necessity of semiotic approach to the understanding of cultural spaces in tourism-marketing work.

Key words and phrases: tourist destination; territories marketing; post-tourist; symbol; marker; semiotic approach; cultural space.

УДК 316:1

Философские науки

В статье рассматривается максимальная рациональность всех сторон жизни как главное в содержании модерна, особенно заметно проявившееся в сфере культуры, которая приобрела светский и рационалистический характер. Реализуемый проект модерна обеспечил трансформацию многих сфер. Он способствовал дифференциации большинства ценностных сфер и обусловил автономность науки, морали, искусства.

Ключевые слова и фразы: глобализация; культурная идентичность; социальная мобильность; индивидуализация; эффекты модерна; социокультурная реальность.

Калустьянц Жанна Суреновна, к. филос. н., доцент

Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет)
linda543@mail.ru

ДИНАМИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ОБЩЕСТВА В СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОСТИ[©]

Процесс глобализации порождает и создает многообразные разветвленные и многовекторные связи, он сопровождается обменом информацией. Разные социальные системы реализуют свои функции посредством или в результате коммуникации, которая может привести как к дифференциации, так и интеграции систем. Но не всегда коммуникация носит добровольно-волевой характер, возможна интервенция систем, когда происходит своеобразная трансплантация звеньев или фракций одной системы в другую, перенесение культурных образцов и типов поведения в таких масштабах, в которых культура-реципиент оказывается не в состоянии усвоить.

Процессы интервенции имеют своим следствием усложнение условий взаимопонимания, что, несомненно, ведет к перегрузкам жизненного мира социума. В этом случае предпринимаемые попытки рациональной модерации культуры оказываются недостаточными, и возникает угроза разрушения культурной традиции. При этом отмечается сходная реакция: культура каждого общества отвечает болезненно на вторжение и вторгаемость, так как неизбежными производными таких процессов становятся размягчение традиционно устоявшихся культурных моделей. Возникшие деформации, несомненно, повлекут за собой утрату культурной идентичности, сопровождающуюся высокой степенью агрессии.

Подобные изменения – это следствие глубинных несовпадений социального смысла прежнего традиционного общества и современного, о которых можно говорить (опять обращаясь к биологическим параллелям) как генетической оппозиции. Т.е. переходы, совершаемые обществом и лежащие в основу оформляющихся современных обществ, весьма существенны и меняют не просто отдельные черты, но затрагивают природу общества настолько глубоко и безвозвратно, что можно говорить о генетическом смысле происходящих перемен. Прежнее партикулярное общество разрушается. Социальная жизнь приобретает новое качество – универсальность, вследствие чего прежняя личностная конкретность вытесняется анонимностью и абстрактностью общественных отношений между людьми.

Среди новых, генетически иных черт общества – разрушение жесткой социальной структуры, которая еще недавно была закреплена культурной традицией и имела религиозную легитимацию. Прежняя каркасно-закрепощенная социальная иерархия страт разрушена в результате высокой степени социальной мобильности. В таком обществе быстрее избавляются от власти традиций над мышлением и действием людей и переходят к инициативе и инновациям, от религиозной – к секуляризованной и рационализированной культуре. А наиболее важным следствием, по мнению одного из ведущих исследователей современности, немецкого профессора У. Бека, является оформление или переход так называемой «...обобщенной модели тройной “индивидуализации”»: освобождению от исторически заданных социальных форм и связей в смысле традиционных обстоятельств господства и обеспечения (“аспект освобождения”), утрате традиционной стабильности с точки зрения действенного

знания, веры и принятых норм (“аспект разволшебствления”) и – что как бы инвертирует смысл понятия – к новому виду социокультурной интеграции (“аспект контроля и реинтеграции”)» [1, с. 45].

Обобщенная модель «тройной индивидуализации» вмещает в себя и выражает собой эффекты модерна как своеобразного мировоззренческого проекта, а именно максимальное развитие рациональных способов мышления и социальной организации как путь к освобождению от иррациональности мифа, религии, предрассудков, произвола власти. Эти эффекты были порождены не отдельным процессом, а своеобразной цепью кумулятивных и взаимно усиливающихся процессов. Процесс формирования капитала сопровождался мобилизацией ресурсов, а развитие производительных сил повышало продуктивность труда. Столь же взаимообусловлены и взаимосвязаны процессы, протекавшие в другой, не менее важной политической сфере, где в результате централизации политической власти формировались национальные идентичности, что вело к расширению политических прав и развитию городских форм жизни.

Быстрые изменения оказывают воздействие на жизненную среду и вызывают определенный шок в момент столкновения человека с изменившимся настоящим. Возникновение шока – это осознание появления бреши в смысловой ткани его (человека) жизненного мира. Человек осознает, что проверенные временем, отработанные до автоматизма и институционально закрепленные схемы мысли и действия вдруг оказываются неактуальными, потому что порядки вещей, к которым они были хорошо подогнаны, уже распались, а то, что парадоксальным образом пришло им на смену, чуждо или враждебно.

Согласившись с Гидденсом, в том, что «...социальная жизнь состоит из упорядоченных социальных практик» [3, с. 121], отметим, что генетические изменения, вызванные эффектами модерна, напрямую влияют на эти элементарные единицы социальной жизни. Социальные практики, размещенные в пространстве и времени, осуществляются осмысленно и компетентно действующими человеческими агентами. Но эта осмысленность всегда ограничена фактическими условиями действия, с одной стороны, и его непреднамеренными последствиями – с другой.

Говоря о динамической природе социальной реальности, отметим, что социальные феномены обладают вполне реальным существованием, но они подчинены своеобразной динамической перспективе, т.е. социальный феномен существует в развитии отношений. Социальные отношения и социальная жизнь обладают реальностью лишь в определенном перспективном пространстве. Но у социального, ставшего всеобъемлющим, больше не оказывается имени: оно обращается в анонимные массы – всемогущество инерции, поглощения и нейтрализации, превосходящее все силы, на массы воздействующие.

Замена традиционных социальных общностей абстрактными мегаструктурами спровоцировала возникновение парадоксальной ситуации, которая состоит в том, что человек, став воспринимать себя в качестве сложной и уникальной личности, испытал огромную потребность в личном участии, но оно уже невозможно в этих условиях. Оказалось, что конкретное многообразие человеческой жизни не может быть реализованным в неизбежно технологизированном и бюрократизированном (абстрактном) мире.

Теоретически это осознается в форме противопоставления цивилизации и культуры и констатации кризисного состояния последней. Постановка данных проблем – удел XX века, когда уже полностью реализовались тенденции развития общества модерна. Просвещение пребывало в уверенности относительно неограниченных возможностей разума, которые реализуются в политике (идея просвещенной абсолютной монархии), философии (по мнению И. Канта, философ – это «законодатель, задающий правила работы человеческого разума») [4, с. 79], искусстве (классицизм), концепции человека как существа, от природы наделенного здравым смыслом. Стремление к рациональной упорядоченности бытия проявилось и в новоевропейской картине мира как основе самосознания этой культуры.

Максимальная рациональность всех сторон жизни как главное в содержании модерна особенно заметно проявилась в сфере культуры, которая приобрела светский и рационалистический характер. Реализуемый проект модерна обеспечил трансформацию многих сфер. Он способствовал дифференциации многих ценностных сфер и обусловил автономность науки, морали, искусства, сущностное единство которых прежде гарантировалось религией. Рассуждая о культуре в обществе, В. Д. Титов обращает внимание на то, что «Как и любая сфера человеческой деятельности, логическая культура инициируется своими подвижниками и поддерживается, так сказать, эпигонами» [6, с. 8].

Произошло становление так называемого профессионального подхода к культурной традиции, что, с одной стороны, стало фактором бурного расцвета науки, философии, а, с другой – привело к разрыву между культурами экспертов и широкой публикой.

Теперь сфера повседневной практики не только не могла безвозмездно культурно обогащаться за счет деятельности специалистов, но и появилась угроза обеднения жизненного мира в результате рационализации культуры, тянувшей за собой кризис ценностных оснований культуры. Новой тенденцией культуры стала ее демократизация, которая способствовала включению повседневности в число ценностей культуры. Развивающаяся система образования вкупе с развитием средств массовой коммуникации способствовали быстрому расширению сферы искусства и делали доступными результаты культурного творчества более широкому кругу людей.

Прежде ценностное единство культуры начинает распадаться, порождая безудержное экспериментаторство и в других сферах – в политике, науке, философии, искусстве. Следствием этого стал кризис ценностных оснований культуры модерна. Постепенно были зафиксирован ряд принципиальных изменений, трансформировавших социокультурную реальность.

Одним из последствий происшедшей трансформации стало превращение техники в особую силу, повлиявшую на способ восприятия человеческого разума реальности: по мере того, как деформировалась социокультурная реальность, происходило закрепление ее утилитарного восприятия. Теперь человек воспринимает реальность

в виде объекта для использования. Именно это утилитарное отношение к действительности подтвердило торжество и неукоснительное соблюдение принципа рациональности, т.е. точного расчета, контроля и регуляции во всех сферах материальной и духовной культуры. Бородкин Ф. М. подчеркивает: «Каток рыночной утилизации проходит по всему миру, не встречая серьезных препятствий. Наоборот, пока кажется, что через этот механизм должны пройти все страны и все народы планеты, и они стремятся к этому. Рыночная утилизация, по общему убеждению, свидетельствует о взрослении социума, его совершенствовании и качественном росте» [2, с. 130].

В рационально организованном мире все отношения стандартизированы и регламентированы, что не могло не сказаться на положении человека в этом мире. Теперь, как и природа, он превращается в инструмент, средство для обеспечения бесперебойного функционирования социального целого. Рациональность стала своеобразной верой в возможность овладеть окружающим миром посредством расчета. Демократизация культуры и развитие технических средств способствовали тиражированию культурных ценностей, следствием чего и стало возникновение массовой культуры, которая не может существовать без собственной «индустрии». Поставленная на поток и растражированная массовая культура ведет к дегуманизации культуры.

По мнению В. А. Сулимова, «...проблема интеллектуального самоопределения системно связана с новизной, выражающей себя в виде попыток креативного восприятия мира и способностью найти соответствующий “язык представления знания”. Не только литературное творчество, но и повседневная коммуникативная деятельность стали напоминать процесс текстопорождения с заданными свойствами, отражающими ситуации когнитивного погружения: (а) ситуацию погружения в бытие через эпистемологически построенный мир; (б) ситуацию погружения в бытие через креативно построенный мир; (в) ситуацию погружения в мир через субъектно построенный мир; (г) погружение в концептуальный мир смыслов» [5, с. 120].

Изменение социокультурной реальности сопровождалось трансплантацией новых институтов. По мнению А. Гелена: «Институты являются большими, охраняющими и искажающими, но далеко нас переживающими порядками и таинствами, в которые люди окунаются, в, возможно, более высоком состоянии свободы, чем тот, который заключался бы в самообслуживании» [8, S. 83]. Сохранение институтов и дальнейший процесс их распространения способствовали тому, что произошло постепенное изменение типа доминантной личности. Отчасти эти изменения были обусловлены закреплением представления об автономности личности. В соответствии с ним предполагалось, что личность преследует свои собственные интересы, которые не могут совпадать с групповыми.

Личность наделялась способностью отстаивать свои интересы, причем наиболее эффективным образом. При наличии столь активной личности менялась качественная характеристика общества: теперь оно рассматривалось как совокупность индивидов, а общественные интересы представлялись производными от частных. Если в условиях, предоставляемых обществом, индивид получал возможность полнее использовать свой потенциал, то о таком обществе можно было бы говорить как о достигшем совершенства.

Несомненно, что процесс трансплантации институтов был в определенной мере обусловлен неизбежным конфликтом личных интересов как средство обеспечения консенсуса в обществе. Дело в том, что процесс трансплантации не обеспечивает разрушение предыдущей формы отношений, но дает возможности расширить, значительно разнообразить отношения в любой сфере. Пожалуй, самым убедительным может быть пример трансплантации новых форм отношений в дополнении к институту семьи.

Трансформации в этой сфере отношений также связаны с автономией личности, но не столько личности-мужчины, как личности-женщины, для которой автономность стала импульсом для эмансипации со всеми ее последствиями, вплоть до отказа женщины от института семьи, если эти отношения расценивались ею как препятствие для реализации ее потенциала и посягательства на ее суверенитет. Начавшийся процесс изменения содержательного наполнения гендерных ролей быстро проявился, как длительный макросоциальный, и его результатом стало изменение роли человека в семье, вследствие чего, женщина получила возможность выделиться из своего природного окружения. Этот констатирует Н. А. Чуркина, обозначая факторы, вызвавшие инверсионные изменения ментальных оснований пола и оказывающие влияние на формирование маскулинизированной идентичности у женщин [7, с. 200].

Таким образом, в условиях модерна, как следствие его основных эффектов оформился новый подход к человеку как таковому. Его новизна состоит в том, что определенные конфигурации человеческих свойств теперь приписываются обоим полам.

Список литературы

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 205 с.
2. Бородкин Ф. В. Социоэкономика. Статья 1. Путь к господству над хозяйством // *Общественные науки и современность*. 2006. № 4. С. 130-133.
3. Гиденс Э. Устройство общества: очерк теории структуриации. М.: Академический проект, 2005. 193 с.
4. Кант И. Критика чистого разума. М.: Эксмо, 2007. 736 с.
5. Сулимов В. А. Самообоснование в интеллектуальном пространстве современности // *Философские науки*. 2010. № 4. С. 120-121.
6. Титов В. Д. Общество, культура, логика // *Философские науки*. 2009. № 4. С. 8-12.
7. Чуркина Н. А. Маскулинизация феминности как адаптационная стратегия // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2013. № 3. Ч. 1. С. 199-202.
8. Gehlen A. Moral und Hypermoral. Eine Pluralistische Ethik. Athenäum – F.a.M. – Bonn, 1969. 83 S.

DYNAMIC NATURE OF SOCIETY IN SOCIAL REALITY OF CONTEMPORANEITY

Kalust'yants Zhanna Surenovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
North-Caucasian Mining and Metallurgical Institute (State Technological University)
linda543@mail.ru

The author considers the maximum rationality of all life aspects as the main thing in art nouveau content, most notably apparent in the sphere of culture, which acquired secular and rationalist character; and tells that art nouveau implemented project ensured many spheres transformation, and it contributed to the differentiation of most valuable spheres and conditioned the autonomy of science, morality, and art.

Key words and phrases: globalization; cultural identity; social mobility; individualization; art nouveau effects; social-cultural reality.

УДК 343.98

Юридические науки

В статье рассматривается категория «криминалистическая характеристика» в современной криминалистике. Автор раскрывает историю возникновения данной категории, точки зрения криминалистов на категорию «криминалистическая характеристика отдельного преступления» и приходит к выводу о том, что криминалистическая характеристика, наравне с криминалистической характеристикой конкретного преступления, остается важнейшим направлением криминалистических исследований.

Ключевые слова и фразы: криминалистическая характеристика; криминалистическая характеристика конкретного преступления; частная криминалистическая методика.

Каплун Дмитрий Дмитриевич

Хабаровский пограничный институт ФСБ России
dimitriyus@gmail.com

**ПОНЯТИЕ КАТЕГОРИИ «КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА»
В СОВРЕМЕННОЙ КРИМИНАЛИСТИКЕ[©]**

Противостояние правоохранительных органов и преступности есть единый и неразрывный процесс, который требует постоянной выработки новых приемов и методов борьбы с преступностью, совершенствования тактики действий сотрудников правоохранительных органов, так как в свою очередь и преступность использует всё новые способы совершения и сокрытия преступлений. В условиях информационного общества возрастает роль криминалистического научного прогнозирования и эмпирического предвидения как инструментов, позволяющих правоохранительным органам своевременно выявлять, предупреждать, пресекать и раскрывать преступления.

Эмпирическое предвидение, как часть научного прогнозирования, строится на различных основаниях, и одно из них – это криминалистическая характеристика преступления, которая даёт следователю необходимую базовую информацию о типичных «свойствах» преступлений данного вида или рода, что просто необходимо для научного прогнозирования. Вместе с тем среди ученых-криминалистов существует почти диаметрально противоположное понимание сущности и значения криминалистической характеристики.

Впервые понятие о криминалистической характеристике преступления появилось в работах А. Н. Колесниченко и Л. А. Сергеева. А. Н. Колесниченко считал, что общая криминалистическая характеристика данного вида преступлений относится к числу наиболее существенных положений всех частных методик. Однако он не дал понятия и не рассматривал сущности криминалистической характеристики [8, с. 14].

Л. А. Сергеев был первым ученым-криминалистом, который заговорил о содержании криминалистической характеристики. В неё он включил способы, условия и обстоятельства совершения преступлений, особенности обстановки; связи преступлений конкретного вида с другими преступлениями и отдельными действиями, не являющимися уголовно наказуемыми, но имеющими сходство с данными преступлениями по некоторым объективным признакам; взаимосвязи между вышеуказанными группами обстоятельств [10, с. 5].

Затем понятие криминалистической характеристики получило свое развитие в работах Р. С. Белкина, И. А. Возгрин, Г. А. Густова, Л. Я. Драпкина, В. Е. Коновалова, А. Н. Колесниченко, И. М. Лузгина, В. А. Образцова, Н. А. Селиванова, В. Г. Танасевича, В. И. Шиканова, Н. П. Яблокова и других.

Из анализа источников можно заметить, что понятие криминалистической характеристики авторы понимают по-разному [1, с. 75]. Одни видят в ней «систему данных» [12, с. 5], другие считают, что под криминалистической характеристикой следует понимать «совокупность признаков, комплекс данных» [7, с. 24], третьи – «научную категорию» [6, с. 17], научную абстракцию, которая отражает криминалистические черты, признаки и свойства преступлений.